

Глава 5

ЛЮДВИГ ФОН МИЗЕС И ДИНАМИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РЫНКА

5.1. Введение

Людвиг фон Мизес больше любого другого члена австрийской школы преуспел в выделении сущности выдвинутых Менгером принципов и в применении их к новым областям экономической науки, что обусловило существенный подъем австрийской школы в XX в. По словам самого Мизеса, «то, что отличало австрийскую школу и обеспечило ей вечную славу, — это доктрина экономической деятельности, противостоящая принципам экономического равновесия или отсутствия деятельности» (Mises 1978, 36). Мизес лучше других применил эту динамическую концепцию рынка в новых областях и при этом распространил ее на теорию денег, кредита и экономических циклов, создал изощренную теорию предпринимательства как координирующей и движущей силы рынка, детально проработал и уточнил методологические основания школы и теории динамики как альтернативы концепциям, основанным на идее равновесия. Все эти достижения оказались, говоря книжным языком, крайне стимулирующими и плодотворными. В общем, Мизес придал австрийской школе мощный импульс в области теории, опираясь на который его ученики во главе с Хайеком обеспечили мощное возрождение австрийской школы в последние десятилетия XX в.

5.2. Краткий биографический очерк

Людвиг Эдлер фон Мизес родился 29 сентября 1881 г. в городе Лемберге, в пределах тогдашней Австро-Венгерской империи. Сегодня родной город Мизеса называется Львов и

находится на территории Республики Украина. Отец Людвиг получил образование в Цюрихском политехническом институте и стал влиятельным инженером, специалистом по строительству железных дорог. Людвиг был старшим из трех братьев, один из которых умер в детстве, а другой, Ричард, с которым у Людвигу всю жизнь были весьма прохладные отношения, стал видным математиком и логическим позитивистом.

Мизес рассказывает о себе, что стал экономистом, прочитав в рождественские дни 1903 г. книгу Карла Менгера «Основания политической экономии» (Mises 1978, 33). Степень доктора права Мизес защитил 20 февраля 1906 г. и до 1914 г. посещал экономический семинар Ойгена Бём-Баверка. Мизес быстро выделился как самый блистательный из участников этого семинара наряду с Й. Шумпетером, которого всегда считал чрезвычайно путаным и несерьезным теоретиком; озабоченный прежде всего производимым им впечатлением, тот попал в ловушку неоклассического сциентизма и отверг прославленную австрийскую традицию.

В 1906 г. Мизес начал преподавать. В течение шести лет он вел курс экономики в Венской женской коммерческой академии, а начиная с 1913 г. в течение двадцати лет был приват-доцентом Венского университета. В 1934 г. Мизес получил место профессора международных экономических отношений в Высшем институте международных исследований в Женеве, Швейцария. С началом Второй мировой войны Мизес, спасаясь от Гитлера, перебрался в США, получил гражданство и стал профессором Нью-Йоркского университета, где преподавал до выхода в отставку в 1969 г.

В 1920 г. Мизес создал и до 1934 г. вел знаменитый экономический семинар (*Privatseminar*), работавший в его кабинете в Венской Торговой палате, где он служил руководителем финансового управления и генеральным секретарем, что давало ему возможность оказывать серьезное влияние на экономическую политику своей страны. Этот семинар, работавший по пятницам во второй половине дня, посещали не только его ученики, писавшие под руководством Мизеса свои докторские диссертации, но также, по личному пригла-

шению, весьма известные экономисты со всего мира. В работе семинара регулярно участвовали Фридрих Хайек, Фриц Махлуп, Готтфрид фон Хаберлер, Оскар Моргенштерн, Пауль Розенштейн-Родан, Феликс Кауфман, Альфред Шюц, Рихард фон Штригль, Карл Менгер (математик, сын Карла Менгера, основателя австрийской школы) и Эрик Фогелин — это если говорить о немецкоязычных участниках. Из Великобритании и США приезжали среди прочих Лайонел Роббинс, Хью Гейтскелл, Рагнар Нерске и Алберт Харт. Позднее, уже в Америке, Мизес возобновил семинар, который работал в Нью-Йоркском университете вечером по четвергам с осени 1948 г. по весну 1969 г. Среди множества участников второго периода выделяются будущие профессора Мюррей Ротбард и Израэл Кирцнер.

Людвиг фон Мизес был удостоен почетной степени доктора Нью-Йоркского университета и, по ходатайству Ф. А. Хайека — Фрайбургского университета (г. Брейсгау, Германия). Кроме того, в 1962 г. он получил австрийскую почетную медаль за вклад в науки и искусства, а в 1969 г. был провозглашен почетным членом Американской экономической ассоциации. Мизес скончался в Нью-Йорке 10 октября 1973 г., за год до того, как лучший из его учеников, Ф. А. Хайек, получил Нобелевскую премию по экономике за вклад в экономическую науку. За свою жизнь Мизес опубликовал 22 книги и сотни статей и монографий по экономическим вопросам, труды, которые Беттина Бьен Гривз и Роберт Макги каталогизировали и аннотировали в двух толстых томах (Bien Greaves and McGee 1993, 1995).

Судьба даровала Мизесу долгую жизнь в науке, растянувшуюся почти на семь десятилетий XX в., и репутацию экономиста со всемирной славой (Rothbard 1973). Уже в 1944 г. Генри Саймонс отозвался о нем как о величайшем из живущих профессоров экономики. Даже Милтон Фридмен, позитивистски настроенный экономист чикагской школы, которого никто не заподозрил бы в сочувствии теоретическим взглядам Мизеса, вскоре после его смерти отозвался о нем как о величайшем экономисте всех времен (Mises 1995, 1). Морис Алле, другой лауреат Нобелевской премии

по экономике, написал, что Мизес был «человеком исключительного ума, внесшим выдающийся вклад в экономическую науку» (Allais 1989, 307). Наконец, Роббинс в автобиографии написал о Мизесе: «Но я не в силах вообразить, что кто-либо, не ослепленный политическими предрассудками, может прочесть его основные работы, ...и его авторитетный трактат «Человеческую деятельность», не испытав при этом чувства, что перед ним труд редкостных достоинств и интеллектуальный стимул высшего порядка...» (Robbins 1971, 108).

5.3. Теория денег, кредита и экономических циклов

С самого начала своей научной карьеры, еще посещая семинар Бём-Баверка, Мизес осознавал необходимость распространить разработанную Менгером субъективистскую концепцию экономической теории на область денег и кредита и проанализировать то, как манипулирование инструментами кредитной и денежной политики сказывается на структуре капитальных благ (в трактовке Бём-Баверка). Уже в 1912 г., в возрасте 31 года, Мизес опубликовал первое издание книги «Теория денег и средств обращения» (Mises 1980), которая быстро стала классическим трактатом по денежной теории во всех странах континентальной Европы.

Этот первый плодотворный вклад Мизеса в сфере денег стал большим шагом вперед, углубившим субъективизм и динамическую австрийскую концепцию путем применения их к теории денег и связав ценность денег с теорией предельной полезности. По сути дела, Мизес первым разобрался в казавшейся неразрешимой проблеме порочного круга, которая, как считалось в то время, не позволяла применить теорию предельной полезности к феномену денег. В самом деле, цена, или покупательная способность, денег определяется спросом и предложением; в свою очередь спрос на деньги предъявляют люди, исходящие не из непосредственной полезности денег, а именно из их покупательной способности. Мизес разорвал этот порочный круг аргументации

с помощью своей *теоремы регрессии* (Mises 1996; Мизес 2005). Согласно этой теореме, спрос на деньги определяется не их *сегодняшней* покупательной способностью (что привело бы нас к порочному кругу), а основанным на опыте знанием их *вчерашней* покупательной способности. Вчерашняя покупательная способность в свою очередь определяется спросом на деньги, опирающимся на знание действующих лиц о позавчерашней покупательной способности денег. Этот процесс ведет нас назад в прошлое, вплоть до той точки истории, когда впервые появился спрос на определенный товар (золото или серебро) как на средство обмена. Таким образом, теорема регрессии — это просто ретроспективное применение предложенной Менгером теории эволюционного возникновения денег.

Как было отмечено выше, «Теория денег и средств обращения» быстро стала классическим сочинением в области денежной теории и в качестве такового использовалась во всех престижных университетах континентальной Европы. Мы говорим о континентальной Европе, потому что на английский работу перевели только в 1930-х годах, из-за чего ее влияние на англосаксонский мир было, к сожалению, невелико. Кейнс, например, признается: «Я больше использовал бы работы этих авторов [Мизеса и Хайека], если бы их книги, попавшие мне в руки, только когда эти страницы уже были в типографии, появились раньше, когда мои идеи только формировались, и если бы мое знание немецкого не было настолько скверным (на немецком я в состоянии понять только то, что уже знаю, так что из-за трудностей с языком новые идеи мне недоступны)» (Keynes 1971).

В этой книге Мизеса намечена блистательная теория экономических циклов, которая со временем стала известна как австрийская теория делового цикла. Применив теории английской денежной школы к разработанной Бём-Баверком субъективистской теории капитала и процента, Мизес осознал следующее: когда управляемая центральным банком банковско-кредитная система с частичным резервированием вступает на путь экспансионистского создания кредитов и депозитов, не обеспеченных реальными сбережениями

(фидуциарные средства обращения), это не только провоцирует циклический, неконтролируемый рост объема денежной массы, но и неизбежно, поскольку кредиты создаются *ex nihilo* под искусственно заниженную ставку процента, ведет к искусственному, неустойчивому «удлинению» производственных процессов, которые в результате делаются чрезмерно капиталоемкими.

Согласно Мизесу, усиление любого инфляционного процесса посредством кредитной экспансии рано или поздно стихийно и неумолимо порождает попятное движение и провоцирует кризис или экономический спад, который выявляет все совершенные инвестиционные ошибки, ведя к массовой безработице и вызывая необходимость ликвидации и размещения заново всех неверно инвестированных ресурсов. Для устранения повторяющихся экономических циклов Мизес предложил создать банковскую систему со 100-процентными резервными требованиями для вкладов до востребования и завершил свою книгу следующим утверждением: «Теперь очевидно, что единственное средство устранить всякое влияние человека на кредитную систему — это пресечь все дальнейшие выпуски фидуциарных средств обращения. Основную концепцию закона Пилля нужно сформулировать по-новому и провести в жизнь с большей полнотой, чем это было сделано в его время в Англии, охватив законодательным запретом и выпуск кредитов в форме остатков банковских счетов. ...Было бы ошибкой предполагать, что современная организация обмена обречена существовать вечно. Она несет в себе семена саморазрушения. Развитие фидуциарных средств обращения неизбежно приведет к ее развалу» (Mises 1980; Мизес 2007).

Разработанная Мизесом теория цикла впервые сделала возможным объединение микро- и макроаспектов экономической теории, которые до тех пор существовали обособленно, поскольку считалось невозможным применить к деньгам теорию предельной полезности, а потому вся теория денег строилась на агрегированных показателях вроде общего уровня цен. Более того, Мизес предложил аналитические инструменты, позволяющие объяснить повторя-

ющиеся бумы и спады, поражающие регулируемые рынки с того самого момента, когда возникли современные банковские системы с частичным резервированием, включая серьезные эпизоды стагфляции 1970-х и недавние финансовые и экономические кризисы азиатских рынков (Huerta de Soto 2006, 479—503; Уэрта де Сото 2007). Поэтому ничего удивительного, что именно Мизес стоял за созданием Австрийского института исследований делового цикла, первым руководителем которого он назначил Ф. А. Хайека, и что только этот институт смог предсказать Великую депрессию 1929 г. как неизбежный результат последовавших за Первой мировой войной эксцессов денежной и кредитной политики «ревущих» 1920-х (Skousen 1993, 247—284; Скоузен 2002). Более того, следует подчеркнуть, что параллельно с анализом невозможности социализма, чему посвящен следующий раздел, Мизес и его ученики отшлифовали теорию цикла. Австрийская теория кризиса может рассматриваться просто как применение более широкой теории к частному случаю, особенностью которого является рассогласование, вызываемое правительственным вмешательством, осуществляемым средствами фискальной, кредитной и денежной политики, вмешательством, которое всегда ведет к системному рассогласованию производственной структуры экономики (как внутри-, так и межвременному).

5.4. Теорема о невозможности социализма

Третьим важнейшим вкладом Мизеса была его теория о неосуществимости социализма.

Мизес утверждал, что с позиций субъективизма австрийской школы такая невозможность очевидна, а неспособность неоклассических авторов заметить это проистекает прежде всего из ошибочности их методологического подхода, в частности из того факта, что в их моделях состояний равновесия предполагается доступность всей информации, необходимой для достижения равновесия: «Иллюзия, что в обществе, основанном на государственной собственности на средства производства, возможен рациональный порядок

экономического управления, обязана своим происхождением теории ценности классической школы и неспособности многих современных экономистов продумать последовательно продумать до конечных выводов фундаментальные теоремы субъективистской теории. ...Воистину именно ошибки этих школ позволили расцвести социалистическим идеям» (Mises 1996; Мизес 2005, 195—196).

Согласно Мизесу, источником всякого волевого акта, мнения и знания является творческая способность действующего человека, а потому любая система, основанная на насильственном принуждении, используемом для подавления свободной человеческой деятельности, как это имеет место в случае социализма и, в меньшей степени, интервенционизма, препятствует возникновению в сознании действующих субъектов информации, необходимой для координации общества. Мизес осознал, что *экономический расчет*, понимаемый как любое ценностное суждение о результатах альтернативных направлений деятельности*, открытых перед человеком, требует доступности информации из первых рук и оказывается невозможным в системе, которая, подобно социалистической, опирается на принуждение и разрушает, в большей или меньшей степени, добровольный обмен (в ходе которого личные оценки проявляются, обнаруживаются и создаются) и свободное использование денег, понимаемых как добровольно выбранное и общепринятое средство обмена.

Концепция и анализ экономического расчета и его значения в сфере экономической теории составляют один из важнейших аспектов мизесовской мысли. Пожалуй, величайшей заслугой Мизеса в этой области является то, что он теоретически установил связь между субъективной, внутренней сферой личных оценок (порядковая) и внешней сферой рыночно-ценовых оценок, выраженных в форме денежных единиц (количественная сфера экономического расчета). «Мостик» между этими двумя сферами оказывается возможен всякий раз, когда расходящиеся субъективные оценки

* См. : Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. С. 190—218.

приводят к межличностному обмену, находящему воплощение в денежной рыночной цене, т.е. в исторической пропорции обмена в денежных единицах, в цене, обладающей определенной, количественной, реальной природой, такой, к которой предприниматель сможет позднее обратиться как к ценной информации, помогающей предсказывать ход будущих событий и принимать решения (экономический расчет). Поэтому ясно, что, если силой убрать свободу человеческой деятельности, добровольные межличностные обмены прекратятся, что приведет к разрушению мостика или связи между субъективной, внутренней сферой непосредственных оценок и создания информации (порядковой) и внешней сферой цен (количественной). Более того, разрушение этой связи делает экономический расчет совершенно невозможным (Rothbard 1991, 64—65).

Отсюда Мизес делает вывод о том, что в отсутствие рыночной свободы, свободных рыночных цен и/или денег никакой рациональный экономический расчет невозможен, где под рациональным расчетом понимается тот, который возможен при доступности необходимой (неслучайной) информации.

Мизес систематизировал свои фундаментальные идеи о социализме и изложил их в замечательном критическом трактате об этой общественной системе, первое издание которого появилось на немецком языке в 1922 г., а потом последовали английское (1934), французское (1938), испанское (1961), итальянское (1991) и, наконец, русское (1994) издания. Работа называется «Социализм: экономический и социологический анализ» (Mises 1981; Мизес 1994).

«Социализм» Мизеса приобрел огромную популярность в Европе, и под влиянием этой книги, среди всего прочего, теоретики такого калибра, как Ф. А. Хайек (первоначально социалист фабианского толка), Вильгельм Рёпке и Лайонел Роббинс, обратились к либерализму. Более того, эта работа разожгла третью важную дискуссию (после *Methodenstreit* и спора о концепции капитала) с участием австрийских теоретиков, — о невозможности экономического расчета при социализме. Это одна из важнейших дискуссий в истории

экономической мысли, растянувшаяся на несколько десятилетий и оказавшая сильное влияние тем, что помогла выделить и отточить отличительные черты австрийской школы экономической теории. Более того, сегодня широко признано, даже бывшими социалистическими теоретиками, что австрийцы выиграли в споре о невозможности социализма. Так, например, Роберт Хейлбронер был вынужден признать: «Мизес был прав. ...Социализм оказался великой трагедией этого столетия» (Heilbroner 1990, 1110—1111). Ученики Оскара Ланге, Брюс и Ласки, пришли к выводу, что Ланге и социалистические теоретики «не смогли противостоять австрийскому вызову» (Brus and Laski 1985, 60; Huerta de Soto 1992).

В заключение этого раздела особо подчеркнем, что аргумент Мизеса о невозможности социализма — это теоретический аргумент относительно *интеллектуальной ошибки*, сопутствующей любому социалистическому идеалу, потому что невозможно организовать общество с помощью команд и принуждения, заведомо зная, что руководящий орган не в состоянии получить необходимую для выполнения этой задачи информацию. Таким образом, аргумент Мизеса — это *теоретический аргумент* о практической невозможности социализма. Мы могли бы даже сказать, что это главный теоретический аргумент, потому что теория — всего лишь абстрактный, формальный и качественный анализ реальности, который не должен терять с нею связи, а, напротив, иметь как можно более непосредственное отношение к событиям и процессам реального мира. Поэтому совершенно неверно рассматривать предложенный Мизесом анализ как решение вопроса о невозможности социализма с позиций формальной модели равновесия или «чистой логики выбора», в чем ошибочно были убеждены многие видные неоклассические авторы, неспособные понять различие между «теорией» и анализом равновесия. Фактически уже в 1920 г. Мизес сам позаботился о том, чтобы недвусмысленно отвергнуть применимость его теоремы к модели равновесия. Поскольку данная модель, уже в момент ее формулирования, предполагает, что вся необходимая информация должна быть налицо,

она изображает фундаментальную экономическую проблему социализма решенной *ab initio** по определению, так что неоклассический теоретик просто не замечает эту проблему. Согласно Мизесу, имеет место строго обратная ситуация, поскольку, по его мнению, корень проблемы заключается в том, что, когда руководящий орган издает указ или приказ в пользу определенного экономического проекта или против него, у него отсутствует информация, позволяющая выяснить, правильно он действует или нет, а потому он и не может производить никаких экономических расчетов или оценок. Если предположить, что руководящий орган располагает всей необходимой информацией и что, кроме того, никаких изменений не происходит, очевидно, что проблема экономического расчета даже не возникает, так как изначально действует предположение, что такой проблемы не существует. Соответственно Мизес пишет: «В статическом состоянии можно обойтись без экономического расчета. Ведь здесь в экономической жизни вечно повторяются одни и те же события, и если предположить, что статическая социалистическая экономика будет стремиться сохранить то последнее состояние, которое она унаследовала от конкурентной экономики, во всяком случае можно представить себе рационально управляемую, с экономической точки зрения, производственную систему социализма. При этом мы отвлеклись от того факта, что в реальной жизни статическое состояние невозможно, потому что экономические данные постоянно изменяются, так что статическая природа экономической деятельности — это всего лишь теоретическое предположение, которому не соответствует никакое реальное положение вещей» (Mises 1935, 109).

Таким образом, аргумент Мизеса — это теоретический аргумент о логической невозможности социализма, который, однако, опирается на теорию и логику человеческой деятельности и реальных социальных, динамических и стихийных процессов, которые она приводит в движение, а не на теорию или логику механической деятельно-

* Изначально (лат.). — Прим. перев.

сти, осуществляемой в условиях совершенного равновесия «всеведущими» существами, равно далекими как от реальности, так и от человека. Как еще более четко объясняет Мизес в своей книге о социализме: «Иными словами, в стационарных условиях больше не существует проблем, которые требовали бы экономических расчетов. В соответствии с *гипотезой* основная функция экономических расчетов предполагается уже выполненной и больше нет нужды в аппарате расчета. Используя популярную, хотя и не вполне удовлетворительную, терминологию, можно сказать, что проблема экономического расчета есть проблема экономической динамики, а не статики» (Мизес, 1994, 94).

Это утверждение Мизеса идеально соответствует всем наиболее характерным чертам австрийской традиции, заложенной Менгером, развитой позднее Бём-Баверком и, в третьем поколении, укрепленной самим Мизесом. Следовательно, поскольку в состоянии равновесия никакие экономические расчеты не нужны, неудивительно, что открыть теорему о невозможности экономического расчета при социализме сумели только теоретики, бывшие приверженцами школы, которая, подобно австрийской, с самого начала сделала центром своей исследовательской программы теоретический анализ действующих на рынке реальных динамических процессов, а не разработку механистичных моделей частичного или общего равновесия.

Именно в силу этого для всех тех неоклассических теоретиков, которые, подобно членам чикагской школы, путают теорию со статическим анализом моделей равновесия, социализм не представляет никаких теоретических проблем, поскольку в своих моделях эти теоретики предполагают, что вся необходимая информация уже имеется. Например, можно еще раз вспомнить основателя чикагской школы Фрэнка Найта, заявившего: «Социализм — это политическая проблема, которую следует обсуждать на языке социально-политической психологии, а экономической теории почти нечего сказать по этому поводу» (Knight 1938, 267—268). Ту же ошибку совершали неоклассические экономисты социалистической ориентации, такие как Оскар Ланге и его после-

дователи (Липпинкот, Дикинсон, Дурбин, Тейлор, Лернер), когда утверждали, что анализ с позиций экономического равновесия доказал, что Мизес был не прав, поскольку, в соответствии с предложенной Вальрасом системой совместных уравнений, для поднятой Мизесом проблемы экономической координации существует данное решение. Ни один из теоретиков равновесия не ухватил сути вызова, брошенного Мизесом и Хайеком, и никто из них не понял того, что их отказ принять динамичный австрийский подход делает их совершенно слепыми к теоретическим проблемам, которые были открыты Мизесом и Хайеком. Пожалуй, никакая другая область экономической науки не дает более наглядного примера разрушительного влияния неоклассической позитивистской методологии, мешающей весьма одаренным теоретикам воспринять подлинно важные проблемы, возникающие в мире реальной экономики.

5.5. Теория предпринимательства

В основе четвертого существенного вклада Мизеса в экономическую науку лежит взгляд на людей как на неизменных участников и главных фигурантов всех социальных процессов. Мизес пришел к пониманию, что экономическая теория, первоначально развивавшаяся вокруг *homo economicus*, исторического *идеального типа* (по Веберу), под линзами менгеровской субъективистской концепции стала общей теорией всей человеческой деятельности и социальных взаимодействий (по терминологии Мизеса, *праксиологией*). Существенные характеристики и последствия человеческой деятельности и взаимодействий подробно исследованы и образуют главный предмет всеобъемлющего экономического трактата Мизеса, названного им «Человеческая деятельность» (Мизес 2005). Мизес считает, что во всякой деятельности наличествует предпринимательский, гипотетический компонент и развивает теорию предпринимательства, понимаемого как способность людей создавать и распознавать возникающие в их окружении субъективные возможности получения прибыли и действовать так, чтобы их реализовать.

Мизес прямо утверждает, что существенный элемент предпринимательства — способность людей к творчеству: «Созидательным является только человеческий ум, направляющий деятельность и производство» (Mises 1996; Мизес 2005, 134). Он резко критикует популярные заблуждения, изображающие предпринимательскую прибыль как результат простого принятия рисков, тогда как риск порождает не более чем одну из статей издержек производственного процесса, которая не имеет ни малейшего отношения к предпринимательской прибыли (Mises 1996; Мизес 2005). Мизес также обсуждает по существу ложную идею, согласно которой предпринимательство — это управленческий фактор производства, который можно покупать и продавать на рынке на основе максимизирующих решений. В противовес этому, он утверждает: «Чтобы добиться успеха в коммерции, человеку не нужен диплом школы делового администрирования. В этих школах готовят подчиненных для выполнения рутинной работы. Там не готовят предпринимателей. На предпринимателя нельзя подготовить. Человек становится предпринимателем, используя возможности и заполняя пробелы» (Mises 1996; Мизес 2005, 296).

В последние годы мизесовская теория предпринимательства получила дальнейшее развитие в трудах одного из наиболее выдающихся учеников Мизеса, Израэла Кирцнера, профессора экономики Нью-Йоркского университета, о вкладе которого мы расскажем в главе 7.

Предпринимательская способность людей не только объясняет их постоянный поиск и создание новой информации о целях и средствах, но и является ключом к пониманию тенденции к координации, которая, при условии отсутствия насильственного вмешательства, постоянно и стихийно возникает на рынке. Именно предпринимательская способность к координации, как было показано в главах 1 и 2, делает возможным развитие логического корпуса экономической теории, лишенной ошибок сциентистского (математического и статистического) анализа, опирающегося на предположения о неизменности, полного заимствований из чуждого мира физических и естественных наук, бледной копией которого он является (Mirowski 1991).

5.6. Метод экономической науки: теория и история

По сравнению с другими представителями австрийской школы, Мизес разработал наиболее целостный и системный подход к вопросу о методе экономической науки, что и составляет его пятый крупный вклад в эту науку. Он утверждает, что общественные науки, или, скорее, науки о человеческой деятельности, делятся на две ветви: праксиологию (общую теорию человеческой деятельности, самой развитой частью которой является экономическая теория) и историю.

Сфера праксиологии — это применение концептуальной категории «человеческая деятельность», для чего необходимо из сущности человеческой деятельности дедуктивно вывести праксиологические теоремы. При таком подходе экономическая теория строится априорным, дедуктивным способом, основываясь на концепции и категории деятельности. Отправной точкой служат небольшое число фундаментальных аксиом, присущих концепции деятельности. Важнейшая из них — сама категория деятельности, смысл которой в том, что, в соответствии со своей шкалой ценности, люди методом проб и ошибок выбирают цели и ищут средства, пригодные для их достижения. Другая аксиома говорит нам, что, поскольку средства редки, они вначале будут использованы для достижения наиболее ценных целей и только после того послужат удовлетворению всех других, менее насущных («закон убывающей предельной полезности»). Третья утверждает, что, делая выбор между двумя благами с идентичными свойствами, доступными в разные моменты времени, человек всегда предпочитает то, которое можно получить раньше («закон временно предпочтения»). Помимо этого, концепция человеческой деятельности включает следующие существенные элементы: деятельность всегда разворачивается во времени; время — редкий ресурс; люди действуют с целью переместиться из одного состояния в другое, сулящее большее удовлетворение.

Основываясь на этих аксиомах, Мизес с помощью логической дедукции строит экономическую теорию, ориентируя ее на проблемы, характерные для реальной жизни, и вставляя

в цепочки логически дедуктивных рассуждений в подходящих местах релевантные данные опыта. Таким образом, данные опыта, известные и истолкованные в свете теории человеческой деятельности, позднее вновь используются в ее рамке в качестве «предположений» для создания теорем, с большей точностью отражающих реальную жизнь.

Таким образом, с позиции Мизеса, опыт служит только для того, чтобы направить любознательность исследователя к определенным проблемам. Он говорит нам, что нужно исследовать, но не дает указаний о методологическом пути, которым мы должны следовать в поисках знания. В любом случае, согласно Мизесу, следует понимать два момента: во-первых, ни одно реальное явление не может быть познано прежде, чем реальность не получит истолкования в свете концепций и теорем человеческой деятельности; и, во-вторых, не опыт, а только мышление может направлять исследователя к этим гипотетическим типам человеческой деятельности и к проблемам, которые хоть и неизвестны по прошлому опыту, но могут с достаточным основанием рассматриваться как потенциально критически важные в будущем.

Другой ветвью науки о человеческой деятельности является история — систематический сбор и изучение данных опыта, связанного с человеческой деятельностью. Следовательно, она имеет дело с конкретным содержанием прошлой человеческой деятельности.

Таким образом, для занятий этой наукой историк должен иметь в своем распоряжении теорию, дающую ему возможность истолковывать действительность. Более того, он нуждается в особых суждениях значимости, чтобы определять, какие факторы оказывали наиболее существенное влияние на изучаемые им события прошлого (*Verstehen*, или понимание), и именно суждения значимости превращают его дисциплину в подлинное искусство.

Эти ценностные суждения, связанные с пониманием, человек использует и всякий раз, когда ему нужно предсказать развитие окружающей обстановки, затрагивающее тот вид деятельности, в котором он участвует. Тем не менее Мизес утверждает, что в экономической науке невозможны «науч-

ные» предсказания, т.е. предсказания того типа, которые нам знакомы по естественным наукам. Напротив, законы нашей дисциплины исключительно логико-дедуктивны и позволяют только, так сказать, «качественные» предсказания. Они не имеют ничего общего с теми, которые делают ученые в области физики и прикладных наук, и совершенно невозможно дать точное предсказание относительно конкретных будущих событий. Разумеется, в повседневной жизни человек вынужден постоянно планировать свою деятельность и действовать в соответствии с определенными представлениями о том, как будут разворачиваться события в дальнейшем. Делая эти предсказания, человек использует свое теоретическое знание, в его свете истолковывает факты (всегда полагаясь на собственное понимание, т.е. на свое знание конкретных обстоятельств ситуации, в которой он находится) и «предсказывает» ход событий, способных затронуть его деятельность.

Таким образом, будущие события — это всегда большая неопределенность; человек способен лишь свести ее к минимуму (но не рассеять окончательно), если обладает значительными познаниями в теории и богатым опытом в области ценностных суждений и мотивов, побуждающих людей осуществлять определенные действия и вести себя определенным образом. Таким образом, опыт свидетельствует, что некоторые люди лучше других подготовлены к тому, чтобы предпринимательски планировать свою будущую деятельность. Любой человек, действующий в соответствии со своими представлениями о будущем развитии событий, является предпринимателем. В этом смысле, согласно Мизесу, мы все являемся предпринимателями; всем людям ежедневно приходится предпринимать действия с учетом своих представлений о том, что случится в будущем. Поскольку врожденной способностью к предпринимательству обладают все люди, им приходится, используя свои теоретические знания и опыт, предугадывать ход грядущих событий. Однако ученый-экономист как таковой не в состоянии делать какие-либо конкретные предсказания, т.е. предсказания событий с указанием точного количества, места и времени. Как только экономист начинает настаивать на своей способности делать прогнозы, он явным образом тут же

покидает область экономической науки ради человеческой, предпринимательской области предсказаний. Согласно Мизесу, предположение о том, что экономическая наука способна давать научные предсказания наравне с естественными науками, выдает полное невежество относительно мира, в котором мы живем, и относительно природы человека вообще, а также ошибочное представление о методологических основах экономической науки в частности (Mises 1996; Мизес 2005).

5.7. Заключение

Людвиг фон Мизес признан самым значительным и влиятельным экономистом австрийской школы в XX в. Кроме того, он сумел завершить самый важный — в сравнении со всем, что было создано в австрийской школе, — всеобъемлющий систематический экономический трактат, в котором подробно объясняет все то существенное, что на протяжении своей жизни ему удалось достичь в области экономической науки. Работа озаглавлена «Человеческая деятельность: трактат по экономической теории», и первое немецкое издание Мизес подготовил накануне Второй мировой войны, будучи профессором в Женеве. Первое английское издание появилось 14 сентября 1949 г., т.е. более пятидесяти лет назад. С тех пор 800-страничный труд, охватывающий все фундаментальные аспекты экономической науки с позиций субъективистского динамического австрийского подхода, был переведен на девять языков: немецкий (1940), английский (1949), итальянский (1959), испанский (1960), китайский (1978), французский (1985), португальский (1990), японский (1990) и русский (2000). В нашей области это одна из самых цитируемых работ; на нее ссылаются прежде всего в монографиях и статьях по экономическим вопросам вообще, а также в работах по вопросам методологии экономической науки, и экономического анализа социализма в частности. По оценкам, общий тираж этого подлинного шедевра экономической науки достигает 150 тыс. экземпляров. С чтения этой работы следует начинать каждому, желающему глубже ознакомиться с австрийской экономической школой (Huerta de Soto 1995, I—lvii; Salerno 1999; Салерно 2007).